

УДК 327.5

DOI: 10.31857/S2686673024020046

EDN: VBOZTS

Интересы США и политика ФРГ в сфере безопасности и обороны (начало 2020-х годов)

Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, 51/21.

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020 Scopus Author ID: 57211605240

РИНЦ ID: 878094 ORCID: 0000-0001-7092-4864 e-mail: Itrunov@mail.ru

Резюме. Характер и содержание взаимоотношений США и ФРГ в заметной мере определяли конфигурацию распределения влияния и ответственности в Евро-Атлантическом сообществе. В статье исследуется вопрос о степени соответствия интересам США политики Германии в сфере безопасности и обороны в начале 2020-х гг. При 46-м президенте Дж. Байдене Белый дом де-факто отказался от создания формата межправительственных консультаций, Германия видела это как институциональную «страховку» от повторного проседания диалога при Д. Трампе. Подписание при нём и выполнение уже при Дж. Байдене «сделки» с «Талибаном» (движение признано террористической организацией и запрещено в РФ) вынудили Германию пойти на свёртывание присутствия в Афганистане. Компенсацией этого процесса стало стратегическое проникновение ФРГ в Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и резкий рост военной активности под эгидой НАТО в Европе для «сдерживания» России. Раскрывается роль Германии в распределении нагрузки между «западными демократиями» при выстраивании сразу двух конфронтаций – с РФ и КНР. Определяется особая военно-практическая ценность ФРГ для США в сравнении с другими крупными государствами - членами НАТО, особенно Великобританией. Для Белого дома был особенно важен повышенный вклад Германии в комплектование сил передового развёртывания, быстрого реагирования и новой модели войск НАТО. ФРГ в согласии с США поддержала использование ЕС и паллиативных структур (прежде всего, формата «Рамштайн») для «разгрузки» Альянса на наиболее провокационных по отношению к РФ направлениях, связанных с оказанием военной поддержки официальному Киеву на фоне СВО.

Ключевые слова: Дж. Байден, Д. Трамп, Германия, формат межправительственных консультаций, Афганистан, конфронтация, Россия, Китай, НАТО, Великобритания, новая модель войск НАТО

Для цитирования: Трунов Ф.О. Интересы США и политика ФРГ в сфере безопасности и обороны (начало 2020-х гг.). *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54 (2): 48-64. DOI: 10.31857/S2686673024020046 EDN: VBOZTS

German Security and Defence Policy in the Early 2020s and the Influence of US Interests

Philipp O. Trunov

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
Russian Academy of Sciences (INION RAS).*

51/21, Nahimovskiy pr., Moscow 117997, Russian Federation.

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020 Scopus Author ID: 57211605240

PIИЦ ID: 878094 ORCID: 0000-0001-7092-4864 e-mail: Itrunov@mail.ru

Abstract. The nature and content of the U.S. - German dialogue have been significant for shaping the distribution of influence and responsibility in Euro-Atlantic community. This article examines the extent to which the Federal Republic of Germany's (FRG) security and defense policy in the early 2020s aligns with U.S. interests. Under J. Biden's administration the USA effectively rejected the FRG's initiative to create a format for intergovernmental consultations. This initiative could have served as institutional "insurance" against the degradation of interstate dialogue experienced during D. Trump's administration. The signing of an agreement with the Taliban (recognized as a terrorist organization and banned in the Russian Federation) by D. Trump, and its implementation under J. Biden, forced Germany to end its strategic presence in Afghanistan. In an attempt to compensate for these losses, Germany has sought strategic engagement in the Indo-Pacific region and significantly increased its military activity under NATO in Europe to "contain" Russia. The article explores the role of Germany in the distributing responsibility between Western democracies in their concurrent confrontations with Russia and China. Among the large NATO member states in Europe, including the U.K., Germany has held special military-practical importance for the USA. The White House was interested in the Bundeswehr as the framework nation in different forms in NATO Forward Presence Force, NATO Response Force, and New NATO Force Model. Germany in agreement with the USA, has supported the use of the EU and palliative structures (first of all, the Rammstein format) for the «discharge» of NATO on the most provocative for Russia tracks of the military assistance to Kiev.

Keywords: J. Biden, D. Trump, Germany, format of interstate consultations, Afghanistan, confrontation, Russia, China, NATO, the U.K., New NATO Force Model

For citation: Trunov, Ph. O. German Security and Defence Policy in the Early 2020s and the Influence of US Interests. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2024; 54 (2): 48-64. DOI: 10.31857/S2686673024020046 EDN: VBOZTS

ВВЕДЕНИЕ

ФРГ, воспринимая себя органичной частью сообщества «западных демократий», традиционно ориентировалась на сотрудничество с США как старшим партнёром, готовым учитывать интересы своего визави по диалогу. Логично, что официальный Берлин исключительно болезненно реагировал на курс президента Д. Трампа (2017–2021). При нём межгосударственный диалог оказался в «ледяном состоянии». Глубина падения доверия, спектр охваченных кризисным состоянием путей взаимодействия, продолжительность деградации диалога стали беспрецедентными с момента образования ФРГ [Белинский А.В., Никуличев Ю.В., 2019: 141-148]. Основная причина усматривалась в недовольстве Белым домом не просто тенденцией, связанной с укреплением влияния и веса ФРГ в сооб-

шестве «либеральных демократий» и мире в целом, но достижении этого в определённой мере посредством демонстрации «особости» по отношению к США. Для укрепления позиций ФРГ был выгоден курс США на мягкое лидерство, присущий демократическим администрациям У. Клинтона и Б. Обамы, и, напротив, неудобен переход США к жёсткой гегемонии при «зрелом» Дж. Буше-младшем и при Д. Трампе, то есть президентах-республиканцах. В связи с этим руководство ФРГ испытывало повышенный оптимизм от объявления победителем на выборах президента (2020 г.) представителя Демократической партии Дж. Байдена [Richter. W., 2020: 1-2].

Тактически официальный Берлин стремился восстановить качество диалога в целом, на конкретных его треках по состоянию на момент завершения эпохи до-Трампа. Данная задача требовала скорейшего решения не только из-за особой важности США в системе внешнеполитических контактов ФРГ, но и приближения «смены вех» в ФРГ, то есть окончания «эры» А. Меркель. *Стратегически* официальный Берлин стремился таким образом перестроить отношения с Вашингтоном, чтобы риск существенной деградации диалога если не исчез полностью, то был бы минимизирован сам по себе, в смысле потенциального масштаба. Здесь ключевой трудностью было неизменное и отнюдь не подвергаемое со стороны ФРГ сомнению положение США как старшего партнёра в межгосударственном диалоге. Белый дом обладал большой свободой манёвра в том, что касается отклонения невыгодных ему инициатив Германии, влияния на партнёра для их существенной корректировки. Главным для США было сохранение и упрочение возможностей стимулировать ФРГ принимать такие шаги, которые содействовали бы реализации лидерских амбиций Германии, но без вступления в противоречие с интересами Белого дома.

Задача статьи – исследовать вопрос о том, насколько Германия принимает во внимание интересы США, выстраивая линию в сфере безопасности и обороны в начале 2020-х гг. Автор использует метод сравнительного анализа, положения теории строительства вооружённых сил. Российские и иностранные, прежде всего немецкие, специалисты активно разрабатывали тему взаимоотношений США и ФРГ при президенте Дж. Байдене [Белов В.Б., 2021]; [Шариков П.А., 2021]. Однако число работ, а главное – спектр изучаемых вопросов ещё не позволял утверждать, что создана критическая масса исследований. Больше внимание уделялось внешней политике администрации 46-го президента в целом [Васильев В.С., 2022]; [Кочегуров Д.А., 2023]; [Daniels von L., 2022]. Но и здесь наблюдались определённые «лакуны» на момент подготовки статьи, вызванные прежде всего действующим характером его срока.

ПРЕЗИДЕНТСТВО Д. ТРАМПА И ШАГИ АДМИНИСТРАЦИИ Дж. БАЙДЕНА – РАМОЧНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИКИ ФРГ

Внешняя политика администрации Дж. Байдена была направлена на достижение «*мягкой гегемонии*». Это понятие, противоречивое на первый взгляд, отражало неизменное (и кажущееся парадоксальным) стремление к укреплению доминирующих позиций США в сообществе «западных демократий» и мире в целом посредством продавливания своих подходов, но облечённое в мягкие, выверенные формы.

Для Белого дома было характерно желание не допускать роста зависимости от ФРГ, а добиваться обратного, наращивая качество и объёмы сотрудничества. Администрация Дж. Байдена проигнорировала инициативы представителей германского истеблишмента о создании формата межправительственных (межгосударственных) консультаций. С таким предложением выступил в январе 2021 г., незадолго до инаугурации Дж. Байдена К. Линднер, председатель СвДП [1] – партии, весьма близкой к США в целом и особенно к демократам в ценностном плане. В ходе визита А. Меркель в США в июле 2021 г. и подписанной Вашингтонской декларации от 15 июля, этот вопрос публично был обойдён вниманием: единственной площадкой, учреждённой сторонами, стал молодёжный форум [2]. Чем обусловлена позиция администрации Дж. Байдена? Потенциально создание институционально оформленного, должного собираться с определённой частотностью (скорее всего ежегодно или раз в два года), формата межгосударственных консультаций де-юре частично нивелировало бы положение США как старшего партнёра, потребовало бы большего учёта интересов ФРГ и принятия в отношении неё дополнительных обязательств. В результате наиболее ценная для Германии в практическом и имиджевом плане переговорная площадка как потенциальная «страховка» от масштабной деградации диалога с США создана не была. О чёткости донесённой до партнёра позиции Белого дома свидетельствовал тот факт, что к вопросу создания указанного формата с США кабинет О. Шольц уже не возвращался. Притом ФРГ в 2023 г. создала переговорную площадку данного типа с участием Японии, имела соответствующие договорённости с Великобританией [3], пыталась найти возможность запустить её в перспективе с Австралией. Иными словами, Германия в начале 2020-х гг. активно создавала форматы межправительственных консультаций в диалоге с англо-саксонскими державами и (или) ближайшими союзниками США в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), надеясь повлиять и на позицию Белого дома.

Германия не могла не стремиться к развитию контактов с игроками в Южной Азии и на Дальнем Востоке, прежде всего, Индией и Китаем. Иллюстрация тому – учреждение Германией в диалоге с каждым из этих игроков формата межправительственных консультаций ещё в 2011 г., функционировавшего как минимум до начала 2020-х без сбоев. Однако вплоть до 2020 г. отношения со странами ИТР

были сосредоточены в основном в торгово-хозяйственной области, будучи несоизмеримо менее объёмными в общеполитической и тем более военной сфере [См., например: 4]. Ситуация стала резко меняться осенью 2020 г. – летом 2021 г., причём фактор ковида-19 с его сильным сковывающим эффектом не стал здесь заметным препятствием. В сентябре 2020 г. официальный Берлин опубликовал прецедентную стратегию национальной политики в ИТР, в июне 2021 г. запустил форматы «2+2» (встречи глав внешнеполитического и военного ведомств) с Австралией и Японией, а в августе 2021 г. направил в регион первую же военно-дипломатическую миссию [Арзаманова Т.В., 2022: 261-272].

Резкий рост интереса Германии к ИТР был во многом обусловлен желанием компенсировать утраты стратегических позиций в других регионах мира – прежде всего, в Афганистане, то есть на Среднем Востоке. «Сделка» администрации Д. Трампа с афганским движением «Талибан» (признано террористической организацией и запрещено в РФ) от 29 февраля 2020 г., предполагавшая полный вывод войск США и тем, с учётом обстановки, и всех остальных задействованных «западных демократий», стала исключительно болезненной для ФРГ. Следует подчеркнуть, что с начала XXI века афганский трек был наиболее масштабным с точки зрения военных усилий Германии вне зоны ответственности НАТО. С одной стороны, официальный Берлин искал варианты сохранения присутствия в Афганистане, возлагая надежды на возможный срыв «сделки» талибами и фактор ковида-19, и особенно на смену администрации в США [Glatz, R., Kaïm, M., 2020]. С другой – ФРГ стала искать новые направления стратегического влияния, которые могли бы компенсировать возможную потерю позиций в Афганистане. Проблема была особенно актуальна в условиях приближения «смены вех» в Германии в увязке с укреплением позиций неэтаблированных партий на крайних флангах (прежде всего, «Альтернативы для Германии» - на самом правом). Один вариант состоял в наращивании военно-стратегических усилий ФРГ в Сахаро-Сахельском регионе и Северной Африке. Однако в первом случае приход к власти военных в Мали (в 2020 и 2021 гг.) и Буркина-Фасо (в начале 2022 г.) сопровождался стремлением сократить влияние стран Запада [Сидоров А.С., 2022: 82-94] – прежде всего, Франции, что, однако, не могло не создавать трудности, пусть и хронологически отложенные, для Германии. В Северной Африке проблемой для усиления её позиций стало «пробуксовывание» урегулирования «ливийской проблемы»: здесь ФРГ взяла на себя повышенную ответственность как модератор профильной Берлинской конференции по Ливии (с января 2020 г.). На этом треке наблюдалось с 2021 г. увеличение степени ориентированности Германии на США [5].

На таком фоне резко возросла активность ФРГ в ИТР. Несмотря на фактор ковида-19, официальный Берлин разработал соответствующие концептуально оформленные планы в течение полугода с момента «сделки» Д. Трампа с «Талибаном» (признано террористической организацией и запрещено в РФ). Итоговое решение администрации Дж. Байдена от 13 апреля 2021 г. в пользу вывода войск

США из Афганистана де-факто оказало заметное долгосрочное влияние на политику ФРГ в целом. Одно из его проявлений – дальнейшее повышение внимания Германии к ИТР: запуск форматов «2+2» и направление в регион первой военной миссии хронологически (начало июня и август – сентябрь 2021 г.) «окаймляли» момент завершения вывода контингента бундесвера из Афганистана (конец июня 2021 г.). Притом данный шаг официально не оказал в принципе какого-либо негативного влияния на диалог с США: ФРГ подчеркнула поддержку итогового решения партнёра ради того, чтобы не допустить новый спад в отношениях [6]. Белый дом небезуспешно использовал фактор опасений германского истеблишмента перед повторением «ледяного состояния» контактов при 45-м президенте США.

В свою очередь, Белый дом с весны 2021 г. активизировал предложения ФРГ по активизации сотрудничества в имевшихся и вновь возникающих сферах. Пример Афганистана показывал, что официальный Берлин утрачивал стратегические позиции в отдалении от сообщества «либеральных демократий». Умело обыгрывая стремление ФРГ к компенсации геостратегических потерь, США направляли партнёра на резкое усиление военной вовлечённости для «сдерживания» оппонентов из числа держав не-Запада – прежде всего, России, Китая, а также Ирана. Логично, что особое значение придавалось фактору СВО РФ с 24 февраля 2022 г. Она настойчиво представлялась как проявление «российской угрозы» для «западных демократий» в целом и прежде всего в Европе.

О ЦЕННОСТИ ФРГ СРЕДИ ПАРТНЁРОВ ПО НАТО ДЛЯ США В ВОЕННО-ПРАКТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Само явление, связанное с тем, как сообщество «либеральных демократий» выстраивает сразу *две* масштабные системы «сдерживания», достаточно неординарно. Оно потребовало нетривиальных решений в распределении объёмной военно-стратегической нагрузки. США сохранили и упрочили роль общего координатора планов и усилий партнёров, проявляя наибольшую заинтересованность в тех из них, которые отвечали следующим условиям. Это проверенная временем надёжность как полноценного союзника, наличие крупной военно-ресурсной базы, готовность и способность её использовать на большом спектре географических направлений внутри и вблизи сообщества «западных демократий» под эгидой НАТО. Из числа крупных стран – участниц альянса на практике всем этим критериям одновременно отвечал весьма ограниченный круг игроков. Для Турции при Р.-Т. Эрдогане, особенно с середины 2010-х гг., было характерно достаточно девиантное к партнёрам из «западных демократий» внешнеполитическое поведение, особенно на Ближнем Востоке и в Африке [Шльков П.В., 2020]. Франция, в том числе, в президентство Э. Макрона, подчёркивала предпочтительность для себя развивать общий военный потенциал ЕС перед таковым у НАТО. Для

Италии и особенно Польши пунктом несоответствия была чрезмерная сфокусированность на «домашних» регионах, т.е. ограниченная готовность применять национальные вооружённые силы вне Южной и Восточной Европы соответственно. Кроме того, официальная Варшава, желая стать основным реципиентом войск НАТО в передовой части зоны ответственности альянса, в то же время парадоксально предпочитала использовать основную часть своих войсковых формирований в национальном качестве, а не под эгидой блока [7]; [8]. В достаточно полной мере заявленным условиям отвечали только два крупных государства-члена НАТО – Великобритания и Германия. Будучи вслед за США второй системообразующей державой в группе англосаксонских стран, Соединённое Королевство имело с ними исключительно продвинутое и близкие отношения. Отнюдь не случайно феномены трампизма и брексита совпадали по времени и по критической направленности в отношении ФРГ [Благовещенский Р.И., 2019]. По направленности близки были и подходы к диалогу с ней со стороны Соединённых Штатов при Дж. Байдене и Соединённого Королевства в первые годы после осуществления брексита.

Уровень порога применения силы, готовности идти на чувствительные для оппонента военно-стратегические шаги у официальных Лондона и Вашингтона в целом был заметно выше, чем у Берлина. Вместе с тем наблюдались предпосылки сокращать такую разницу. Это показывал объём и вариативность линейки вооружений и военной техники (ВиВТ), направляемых ФРГ в числе других «западных демократий» в пользу официального Киева [9]. При этом Великобритания стремилась полноценно участвовать в выстраивании обеих конфронтаций (как с РФ, так и с КНР), Германия – лишь одной. Официальный Лондон активно включался в работу различных форматов с узким (три – пять стран) составом (примеры тому – альянс Австралия, Великобритания, США, АУКУС (*AUKUS*), «Партнёры в голубом Тихом океане» (*Partners in the Blue Pacific*) и в целом паллиативных структур [Васильев В.С., 2022: 242-252]. Это вело к распылению британских ресурсов, в отличие от германских, которые всё более концентрированно использовались именно под эгидой НАТО для «сдерживания» РФ.

Здесь официальный Берлин для США обладал заметными преимуществами перед Лондоном. На начало 2020-х гг. в количественном плане мощь бундесвера превосходила потенциал королевских вооружённых сил (ВС), особенно по линии сухопутных войск. ВС Великобритании и Германии имели в составе военнослужащих соответственно: на 2015 г. – 141,4 и 177,2 тыс.; на 2019 г. – 144,0 и 183,8 тыс., а на 2023 г. – 156,2 и 192,2 тыс. солдат и офицеров [10: 12]. Разница составляла 36,1 тыс. (2015 г.), 39,8 тыс. (2019 г.) и 36,0 тыс. (2023 г.) человек личного состава в пользу ФРГ. Германия уже с конца 2010-х гг. перешла к стабильному росту численности личного состава ВС, что позволяло постепенно готовить развёртывание новых формирований, прежде всего в армии: восьми – десяти бригад (в дополнение к 7,5 имевшимся), трёх дивизий (к трём уже существующим соединениям) [11]. Это заклады-

вало практическую основу для того, чтобы Германия значительно чаще Великобритании принимала функций «рамочного государства» при комплектовании различных группировок НАТО. Так, для сил быстрого реагирования альянса (СБР, *NATO Response Force, NRF*) в 2015–2022 гг. ФРГ дважды принимала на себя данные функции, сделав это снова в 2023 г. первой из стран – участниц альянса в ходе новой очередности; за всё это время Великобритания делала это лишь однажды (как и остальные крупные европейские государства – члены блока) [8]. По линии сил передового развёртывания НАТО (СПР; *Forward Presence Force, FP*) в 2015–2021 гг. официальные Берлин и Лондон несли соразмерную нагрузку, будучи «рамочными государствами» для многосторонних батальонных боевых тактических групп (БТГ) СПР альянса в Литве и Эстонии соответственно [7]. Однако с марта 2022 г. бундесвер стал участвовать в комплектовании ещё одной вновь развёрнутой БТГ (в Словакии) [7], а 7 июня 2022 г. О. Шольц декларировал решение о постепенной реорганизации БТГ СПР в Литве в многонациональную бригаду [12]. По сути, Великобритания не смогла реализовать симметричной меры ни в одном (расширении географии), ни в другом (переход на качественно и количественно новый уровень формирования со своей направляющей ролью) случаях.

Притом сама ФРГ стала действовать параллельно с США. В 2017 г. в северной части Европы – странах Балтии и Польше – в единой связи развёртывались четыре многосторонние боевые группы СПР с преобладающим вкладом европейских государств – членов НАТО и равной по численности этим формированием «тяжёлой» бригады США [7]; [13]. С учётом вклада в многосторонние боевые группы (в случае оной в Польше – в качестве «рамочного государства») удельный вес войсковой нагрузки Соединённых Штатов в комплектование наземной составляющей СПР НАТО определялся схемой «50% +». Это положение подтвердилось весной 2022 г., когда уже в южной части Восточной Европы (в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии) были учреждены четыре новых БТГ, а США разместили здесь «среднюю» бригаду [7]; [13]. Однако инициатива О. Шольца от 7 июня 2022 г. [12], опередившая США и в целом всех остальных государств – членов НАТО, означала падение удельного веса Соединённых Штатов ниже 50%. Трансформация в бригады должна была затронуть почти все боевые группы СПР в северной части Восточной Европы – США ограничивались лишь постепенным увеличением своего контингента в таковую в Польше. По достижении этого европейские государства-члены были ответственны за комплектование четырёх расчётных бригад (по одной в Литве и Латвии; компонент для таковой в Польше, пяти БТГ в Эстонии, Словакии, Венгрии, Румынии и Польше), США – около трёх («тяжёлая» и «средняя» бригады в северной и южной частях региона, «ядро» группы в Польше и небольшие компоненты в других странах) [7]; [13]. Притом ФРГ не просто упрочила положение второго по объёму предоставленных войск вкладчика в наземную компоненту СПР в целом и первого – непосредственно в многосторонние формирования *FP*, но по размеру своего вклада (суммарно около бригады в Литве и Словакии) стала приближаться к США.

НОВАЯ СХЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ МЕЖДУ ФРГ И США: ВЫСТРАИВАНИЕ КОНФРОНТАЦИЙ С ДЕРЖАВАМИ НЕ-ЗАПАДА

Однако официальный Вашингтон отнюдь не рассматривал это негативно (как определённый вызов своему ведущему положению в НАТО). В условиях выстраивания сразу двух конфронтаций интересам Белого дома отвечало следующее распределение нагрузки между «западными демократиями». В «сдерживание» РФ ключевой вклад вносили европейские государства-члены НАТО; роль США была вспомогательной. Обратным было распределение функций в выстраивании мер по противодействию КНР: притом вспомогательная нагрузка для европейских «либеральных демократий» отнюдь не считалась эквивалентна нулевой или точечной. В оформленном виде первая часть этой схемы была согласована и принята как новая модель войск НАТО на Мадридском саммите блока (28–30 июня 2022 г.) [14].

Её функционирование в основе определял практически тот же набор принципов, что и её предшественницы - основы – СБР альянса, представлявших основную часть многостороннего военного потенциала НАТО. Войска для развёртывания сил и средств трёх категорий новой модели войск альянса, особенно I (100 тыс. солдат и офицеров со сроком развёртывания до десяти дней) и II (200 тыс. военнослужащих с приведением в боевую готовность в течение месяца) [14], выделялись прежде всего европейскими государствами-членами НАТО, особенно «старыми» (вступившими в альянс до 1990 г.) [Biscop S., 2022: 1]. Так, в 2015–2022 гг. они принимали роль «рамочного государства» в семи случаях из восьми (каждый раз на 12 месяцев) в цикле комплектования СБР в 2015–2022 гг. [7]. Как по линии СБР, так и новой модели войск НАТО США в плане предоставления войск, особенно армии и ВВС, вносили сугубо вспомогательный вклад [7]; [14]; исключение составляли лишь многосторонние штабы, где Соединённые Штаты играли заметную, часто направляющую, роль. Это стало частной иллюстрацией более общей тенденции сохранения за США положения ключевого игрока в Североатлантическом альянсе в общеполитическом отношении. Так, именно Белый дом выступал инициатором или со-инициатором учреждения всех основных типов группировок НАТО с начала XXI века (СБР, СПР, новой модели войск альянса), мер по их реорганизации и количественному усилению, что доказывало соответствие принципов их функционирования интересам Соединённых Штатов.

США обладали наиболее многочисленными и оснащёнными ВС, а также имели самый большой бюджет среди «западных демократий» [10: 8, 12]. Однако официальный Вашингтон де-факто использовал под эгидой НАТО лишь небольшую часть своих войск. Так, даже с учётом усиления контингентов в европейской части зоны ответственности в январе – феврале 2022 г. здесь оказалось 100 тыс. солдат и офицеров США [15]. Этот показатель, не будучи сколько-нибудь замет-

ным образом увеличен как минимум до осени 2023 г., составлял 7,5% общей численности ВС США, или 12,5% к размерам новой модели войск НАТО (рассчитано на основе: [10]; [14]; [15]), в комплектование которых эти войска были задействованы почти точно.

Как ни парадоксально, на первый взгляд, Соединённые Штаты к середине 2020-х гг. не были крупнейшим вкладчиком в НАТО и в военно-финансовом отношении. США в 2023 г. вносили абсолютно равный с ФРГ размер ассигнований в бюджет Альянса – по 16,1964 % его общего размера. Для сопоставления удельная доля Великобритании была менее 11,2 %, Франции – около 10,4%, Италии – 8,7 %, а показатели Турции и Польши не дотягивали до 4,7% и 3,0% соответственно [16].

Если администрация Д. Трампа открыто настаивала на том, чтобы ФРГ увеличивали военные расходы в целом, а также финансовый и людской вклад Германии в деятельность НАТО [Белинский А.В., Никуличев Ю.В., 2019], то в президентство Дж. Бадена официальный Берлин без публичного стимулирования со стороны партнёра уверенно наращивал объёмы по всем данным трекам, представлявшим интерес для США [10: 8, 12]. Чем обусловлена разница? Во-первых, если в конце 2010-х гг. ФРГ лишь выходила на траекторию роста всех указанных параметров, то в начале 2020-х уже уверенно стала по ней двигаться. Грамотно спланированный и запущенный (естественно, с достаточно скромными результатами на самых первых стадиях [10: 12]; [11]) при А. Меркель процесс развернулся в полной мере уже при О. Шольце. Во-вторых, истеблишмент ФРГ стремился избежать повторения унижительного для себя давления со стороны Д. Трампа, особенно обвинений в некоем «долге». Наконец, в-третьих, в начале 2020-х гг. Германия окончательно избрала своим магистральным направлением утвердиться в положении полновесного глобального игрока и наращивать военно-стратегическую активность не в отдалении зоны ответственности НАТО, но внутри неё и во многом под эгидой организации [17]; [18].

В связи с этим логично стремление ФРГ к максимизации числа случаев, когда она принимает функции «рамочного государства» при комплектовании различных войсковых механизмов, особенно постоянно действующих группировок Североатлантического альянса. Во многом Германия возвращалась к тому пути, по которому следовала в предшествующую конфронтацию Запад – Восток: так, численно в 1980-е гг. бундесвер составлял примерно 50% количества войск в осевых для НАТО Северной и Центральной групп армий на территории Западной Германии [Fleckenstein В., 1990: 2]. Вновь избранный официальным Берлином вариант реализации лидерских амбиций был весьма выгоден Белому дому – прежде всего тем, что обеспечивал органичный встроенный контроль над использованием партнёром основного объёма военно-людских и финансовых ресурсов. Соответственно, США были заинтересованы в увеличении степени интегрированности в НАТО вооружённых сил европейских государств - членов альянса в целом и ФРГ в особенности. Достижению этого в определяющей мере способствовал переход к новой модели войск альянса. В рамках I и II категорий новой модели войск

НАТО Германия должна использовать к 2025 г. 35 тыс. солдат и офицеров [17]. Важным было и увеличение обязательств ФРГ по линии СПР: для их выполнения уже по итогам Мадридского саммита НАТО (2022 г.) Берлин зарезервировал полную «тяжёлую» дивизию (три бригады, расчётная численность – 15 тыс. военнослужащих), 60 боевых самолётов и 15 боевых кораблей [18], то есть суммарно 20 тыс. военнослужащих. Таким образом, только по линии СПР и в составе двух первых категорий новой модели войск НАТО (то есть не считая III, наиболее многочисленной, штатной численностью в 500 тыс. военнослужащих) должны быть привлечены 55 тыс. военнослужащих бундесвера, или почти 30% его численности на 2023 г. (рассчитано на основе [10: 12]). Если же предположить, что удельный вклад ФРГ в комплектование III категории будет примерно равен для первых двух (свыше 11%), то суммарно Германия должна будет выделять под применение в составе постоянно действующих группировок альянса 110–120 тыс. военнослужащих, или 60% размеров бундесвера (2023) (рассчитано на основе [10: 12]). Даже с учётом взятой траектории наращивания ВС в будущем это составит примерно 50% потенциала регулярных войск ФРГ, притом наиболее хорошо оснащённых и боеспособных. О трудоёмкости обозначенных обязательств по линии НАТО говорил тот факт, что Берлин планировал их выполнять в полном объёме лишь к 2026 г. [17]; [18].

Указанные решения Германии выгодны США сразу в нескольких отношениях. Во-первых, это демонстративное увеличение степени ориентированности на Соединённые Штаты. Во-вторых, это возможность для них выделить максимум своих военных сил и средств, притом в национальном качестве (вне НАТО) на «сдерживание» КНР: в данном случае ФРГ оказывала существенную опосредованную поддержку развитию этого процесса. Наконец, в-третьих, европеизация состава быстро растущих постоянных группировок альянса представляла собой успешную альтернативу крайне медленно создаваемой «европейской армии», то есть общим военным силам в подчинении ЕС. По сути, их полноценное развёртывание откладывалось на неопределённую перспективу, на практике резко урезая «окно возможностей» для наделения Европейского Союза «стратегической автономией». Особенно важно для США, что в этот процесс замены усиления потенциала ЕС на увеличение такового НАТО оказалась полноценно вовлечена именно Германия – традиционный «двигатель» европейской интеграции.

На фоне сокращения объёмов использования эгиды Европейского Союза для военно-тренировочной деятельности в нестабильных странах Ближнего Востока и Африки севернее экватора, ФРГ поддержала вовлечение объединения в подготовку кадров вооружённых сил Украины (ВСУ). Весной 2023 г. на обучение было принято 30 тыс. человек личного состава ВСУ, основная часть – миссией *EUMAM EU*, в том числе инструкторами бундесвера – 3,3 тыс. военнослужащих [19] (основная их часть составила 47-ю механизированную бригаду Украины). Тем самым ЕС «разгружал» и дополнял НАТО на одном из наиболее провокационных направлений системы «сдерживания» РФ. Притом удельный вклад ФРГ (11%) в объёмы

подготавливаемых для наступления кадров ВСУ был равен вкладу в комплектование войск двух первых категорий новой модели войск альянса, то есть и здесь Германия принимала на себя одну из ключевых ролей.

Такая роль была взята ФРГ и в деле поставок ВиВТ в пользу Украины. Притом, как и в случае подготовки личного состава ВСУ, не была задействована эгида НАТО. Ключевым стало обращение к формату «Рамштайн» – паллиативной структуре, названной по месту проведения встреч на высоком уровне в честь крупнейшей военной базы США на территории Германии [Mills С., 2023: 8, 35-37]. Это стало символом теснейшей кооперации в вопросе «сдерживания» РФ официальных Берлина и Вашингтона с обеспечением за вторым общей координирующей роли. На лето 2023 г. ФРГ являлась крупнейшим поставщиком ВиВТ в пользу ВСУ из числа континентальных европейских стран-участниц НАТО. Наиболее иллюстративны следующие примеры. В случае систем ПВО, а также бронетранспортёров ФРГ, действуя в тесном согласии с США, уже с середины 2022 г. осуществляла поставки в пользу ВСУ из своих запасов как вооружений собственного производства (комплексов *IRIS-T* и БТР *Dingo*), так и США (*Patriot* и *M113* соответственно) [9]. Тем самым официальный Берлин выполнял важную функцию по опосредованной передаче ВиВТ производства США.

ФРГ дала итоговое согласие на передачу основных боевых танков (ОБТ) типа «Леопард-2» (*Leopard 2*) и тем более «Леопард-1» (*Leopard 1*) – как собственных, так и ранее проданных в рамках военного экспорта государствам-партнёрам – 25 января 2023 г. [9] на фоне подготовки аналогичного решения США по ОБТ типа «Абрамс» (*Abrams*). Так Германия добивалась синхронности действий с партнёром, однако не достигла её: ОБТ «Леопард-2» и «Леопард-1» уже приняли заметное (притом тактически неудачное) участие в наступлении ВСУ летом 2023 г., а машины *Abrams* стали де-факто поставляться на Украину лишь осенью 2023 г. Оттягивание канцлером О. Шольца решения вопроса о поставке ракет типа «Таурус» (*Taurus*) во многом синхронно тактике администрации Дж. Байдена с ракетами *ATACMS*. ФРГ вероятнее всего предпримет этот шаг вместе или после старшего партнёра, но не до него, как это было в случае ОБТ собственного производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Линия ФРГ в сфере безопасности и обороны в начале 2020-х гг. характеризовалась заметным увеличением ориентированности на США как имиджево, так и практически. В более узком отношении это объяснялось наследием президентства Д. Трампа, пошедшего на резкую деградацию диалога, и достаточно умелым в случае Германии курсом администрации Дж. Байдена на обеспечение «мягкой гегемонии». В более широком плане официальный Берлин, столкнулся с проблемой заметного сокращения своих позиций в регионах вне лагеря «либеральных демократий», избрал альтернативный путь, который был традиционным ещё для Боннской

республики. Это укрепление веса и влияния в сообществе Запада, ослабления оппонентов вне его с тем, чтобы в дальнейшем, в улучшенных для себя условиях, вернуться к активному оперированию на глобальном уровне в целом.

Такая смена глобальной стратегии в полной мере отвечала интересам США, обеспечивая разнонаправленный контроль над действиями партнёра. Поддерживая резкий рост вовлечённости ФРГ в комплектование группировок НАТО и в целом «сдерживание» России, выполнения в растущем числе случаев функций «рамочного государства», Белый дом получал возможность высвободить крупные военные ресурсы для противодействия Китаю. Эта тенденция разделения ответственности между США и ФРГ на фоне СВО РФ не только не изменилась, но, напротив, стала более отчётливой, иллюстрацией стало принятие новой модели войск НАТО.

Вместе с тем в целом весьма динамично развивающееся вширь и вглубь сотрудничество содержит определённые «узкие места». В случае конфронтации с Россией ФРГ скорее не готова действовать в опережение США (при их поддержке) в вопросе старта поставок новых категорий вооружений и военной техники. Германия в реалиях начала 2020-х гг. была готова нести не более чем точечную нагрузку в «сдерживании» КНР, то есть речь не шла о заметном прямом вовлечении официального Берлина в этот процесс. США, обыгрывая факторы интереса ФРГ к ИТР в целом, круг её основных партнёров в регионе (из числа англо-саксонских стран и Японии), а также систему форматов со своим участием (АУКУС, «Партнёры в голубом Тихом океане»), стимулировали Германию к изменению её подхода к Китаю в сторону заметного ужесточения.

ИСТОЧНИКИ

1. Christian Lindner fordert Regierungskonsultationen von Deutschland und den USA. 3.01.2021. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article223647960/Christian-Lindner-fordert-Regierungskonsultationen-von-Deutschland-und-den-USA.html> (accessed 21.09.2023).

2. Erklärung von Washington. 15.07.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/erklaerung-von-washington-1942704> (accessed 21.09.2023).

3. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz mit Premierminister Johnson am 8. April 2022 in London. 8.04.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-mit-premierminister-johnson-am-8-april-2022-in-london-2024728> (accessed 21.09.2023).

4. Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen. 9.07.2018. Available at: http://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/xwdt_6/201807/P020210722278564795028.pdf (accessed 21.09.2023).

5. Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und Außenminister Blinken am 23. Juni 2021 in Berlin. 23.06.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-aussenminister-blinken-am-23-juni-2021-1935448> (accessed 21.09.2023).
6. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel nach der G7-Videokonferenz zur Lage in Afghanistan am 24. August 2021. 24.08.2021. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-nach-der-g7-videokonferenz-zur-lage-in-afghanistan-am-24-august-2021-1953680> (accessed 21.09.2023).
7. NATO's military presence in the east of the Alliance. 2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed 21.09.2023).
8. NATO Response Force. 2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (accessed 21.09.2023).
9. Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/schwerpunkte/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (accessed 21.09.2023).
10. Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2023) (2023). Brussels: NATO, 2023. 16 p.
11. Modernisierungskatalog der Bundeswehr bis 2031: Geld ist knapp – Personal noch viel mehr. 20.12.2019. Available at: <https://augengeradeaus.net/2019/12/modernisierungskatalog-der-bundeswehr-bis-2031-geld-ist-knapp-personal-noch-viel-mehr/> (accessed 21.09.2023).
12. „Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen“. 7.06.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (accessed 21.09.2023).
13. Fact sheet - U.S. Defense Contributions to Europe. 29.06.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (accessed 21.09.2023).
14. New NATO Force Model. 8.07.2022. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-info-graphic-new-nato-force-model.pdf (accessed 21.09.2023).
15. The US military presence in Europe has been declining for 30 years – the current crisis in Ukraine may reverse that trend. 25.01.2022. Available at: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595> (accessed 21.09.2023).
16. Funding NATO. 2023. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_67655.htm (accessed 21.09.2023).
17. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna. 12.07.2023. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (accessed 21.09.2023).
18. Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. 30.06.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg->

de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018 (accessed 21.09.2023).

19. Boris Pistorius besucht mit dänischem Amtskollegen Ausbildung ukrainischer Truppen. 05.05.2023. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/pistorius-besucht-ausbildung-ukrainischer-truppen-5618612> (accessed 21.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арзаманова Т.В. 2022. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11

Белинский А.В., Никуличев Ю.В. 2019. «Американские горки»: Эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 135–157. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08

Белов В.Б. 2021. Перспективы газопровода "Северный поток - 2". *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 4. С. 63–71. DOI: 10.15211/vestnikieran420216371

Благовещенский Р.И. 2019. Британский евроскептицизм: определение и основные факторы. *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 1. С. 121–145. DOI: 10.31249/ape/2019.01.06

Васильев В.С. 2022. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

Кочегуров Д.А. 2023. Состояние и имидж американской демократии при администрации Дж. Байдена. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 40–66. DOI: 10.31249/ape/2023.01.03

Сидоров А.С. 2022. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04

Шариков П.А. 2021. Приоритеты политики США в отношениях с Германией. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 6. С. 41–49. DOI: 10.15211/vestnikieran620214149

Шлыков П.В. 2020. Между США, Европой и Евразией: Трансформация внешнеполитических приоритетов Турции. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 110–135. DOI: [10.31249/ape/2020.01.06](https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.06)

Biscop S. 2022. The New Force Model: NATO's European Army? *Egmont Policy Brief*. No 285. 6 p.

Daniels von L. 2022. Bidens Außenpolitik nach den Zwischenwahlen. *SWP-Aktuell*. No 73. 7 S. DOI: 10.18449/2022A73

Fleckenstein B. 1990. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*. No 44. 12 S.

Glatz R., Kaim M. 2020. Mandat verlängern – Abzug vorbereiten. *SWP-Aktuell*. No 18. 4 S. DOI: 10.18449/2020A18

Mills C. 2023. *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*. London: House of Commons Library. 69 p.

Richter W. 2020. US-Rüstungskontroll- und Militärpolitik in Europa – Erwartungen an Biden. *SWP-Aktuell*. No 104. 8 S. DOI: 10.18449/2020A104

REFERENCES

Arzamanova, T.V. 2022. Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniia Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviiakh vozvrashcheniia sopernichestva velikikh derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. P. 258-284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11

Belinsky, A.V., Nikulichev, Y.V. 2019. «Amerikanskii gorki»: Evolyutsiya otnoshenii mezhdru SShA i FRG v 1989–2019 gg. [«American rollercoaster»: the evolution of US–Germany relations from 1989 to 2019] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. P. 135-157. DOI: 10.31249/ape/2019.04.08

Belov, V.B. 2021. Perspektivy gazoprovoda "Severnyi potok - 2" [Prospects for the Nord Stream 2 gas pipeline] (In Russ.). *Scientific and analytical herald of IE RAS*. No 4. Pp. 63-71. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10009

Biscop, S. 2022. The New Force Model: NATO's European Army? *Egmont Policy Brief*. No 285. 6 p.

Blagoveshchensky, R.I. 2019. Britanski evroskeptitsizm: opredelenie i osnovnye faktory [British Euroscepticism: the definition and main factors] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 1. P. 121-145. DOI: 10.31249/ape/2019.01.06

Daniels von L. 2022. Bidens Außenpolitik nach den Zwischenwahlen. *SWP-Aktuell*. No 73. 7 S. DOI: 10.18449/2022A73

Fleckenstein, B. 1990. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*. No 44. 12 S.

Glatz R., Kaim, M. 2020. Mandat verlängern – Abzug vorbereiten. *SWP-Aktuell*. No 18. 4 S. DOI: 10.18449/2020A18

Kochegurov, D.A. Sostoyanie i imidzh amerikanskoi demokratii pri administratsii Dzh. Baidena [Form and image of American democracy under J. Biden administration] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 1. Pp. 40-66. DOI: 10.31249/ape/2023.01.03

Mills, C. 2023. *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*. London: House of Commons Library. 69 p.

Richter, W. 2020. US-Rüstungskontroll- und Militärpolitik in Europa – Erwartungen an Biden. *SWP-Aktuell*. No 104. 8 S. DOI: 10.18449/2020A104

Sidorov, A.S. Voenno-politicheskii balans vozmozhnostei Frantsii v Sakhele: etapy i me-khanizmy vykhoda s TVD [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. Pp. 79-108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04

Sharikov, P.A. 2021. Prioritety politiki SShA v otnosheniyakh s Germaniei [American foreign policy priorities towards Germany] (In Russ.). *Scientific and analytical herald of IE RAS*. No 6. Pp. 41-49. DOI: 10.15211/vestnikieran620214149

Shlykov, P.V. 2020. Mezhdue SShA, Evropoi i Evraziei: Transformatsiya vneshnepoliticheskikh prioritetrov Turtsii [Between the US, the EU and Eurasia: transformation of foreign policy priorities of Turkey] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 1. Pp. 110-136. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06

Vasiliev, V.S. 2022. Anglosaksonskie skrizhali narastaiushchego global'nogo tsivilizatsionnogo protivostoianiiia [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations] (In Russ.). *Current problems of Europe*. No 4. P. 234-257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Российская Федерация, Москва, 117418, Нахимовский проспект 51/21.

Philipp O. TRUNOV, Candidate of Sciences (Politics), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences.

51/21 Nahimovskij prospect, Moscow, Russia 117418

Статья поступила в редакцию 21.09.2023 / Received 21.09.2023

Поступила после рецензирования 08.10.2023 / Revised 08.10.2023

Статья принята к публикации 10.10.2023 / Accepted 10.10.2023.